

Оглавление

Часть первая. КРАГДАРРА	5
Часть вторая. МИФ-ЛИНИИ	155
Часть третья. КОДА. ПОЗДНЕЕ ЛЕТО	329
Часть четвертая. ШЕХИНА	335
Послесловие	570
Благодарности	571

Часть первая КРАГДАРРА

Мы слишком усердно следовали замыслам и желаниям своих сердец...

*Общее покаяние
из «Книги общественного богослужения»*

Моему волшебному возлюбленному

Ах, если б нас любовь могла
С тобою вмиг преобразить,
Вручить два золотых крыла,
Чтоб в лунном свете воспарить,
Стать деревом, по-над ручьем
Роняя осенью плоды,
Лососем, ланью, сизарем —
Все это были б я и ты...
И да, мы многое смогли
За много жизней испытать:
Отправиться за край земли,
Все в мире таинства познать.
Но я желала бы с тобой
Бежать вдоль быстрого ручья
И на лугу возлечь нагой —
Прочь, треволнения бытия!
И в той часовне из листвы
Ты бы со страстью взял меня,
Чтоб там, на ложе из травы,
Назвать своей Царицей Дня.
Мы стали бы плясать и петь,
О чувствах радостно трубя.
Лес от любви мог зазвенеть,
Случись влюбиться мне в тебя.
Случись влюбиться нам с тобой,
Я бросила б юдоль невзгод,
Влекумая твоей волшбой,
Ушла б в холмы на эльфов сход.
Владыка Луг¹! Из мира слез
Ты мог бы вмиг украсть меня.

¹ Луг — ирландское божество из племени Туата Де Дананн (народ богини Дану).

Пусть будет много дивных грез
В чертогах Дану — там родня!
Ну что ж! Гони заботы прочь,
Пусть светят звезды вразной.
Нас никому не превозмочь —
Ведь мы любовники с тобой.

*Эмили Десмонд
4 «А» класс,
Школа Креста и Страстей*

Дневник Эмили
14 февраля 1913 года

Приветствую тебя, святой Валентин, Владыка Любви. Свидетельствую свое почтение, ибо сегодня твой праздник!

Мы, твои преданные слуги, поем тебе осанну!

Мы украли изваяние святого Валентина из ниши в коридоре у часовни и тайком притащили в спальню. Если сестры узнают о нашей проделке, нас всех до единой исключат, но я заставила девочек поклясться на крови, что они будут хранить тайну и мы отнесем статую на законное место еще до того, как мать-настоятельница начнет обход. С последним ударом часов в полночь, знаменующим наступление Дня святого Валентина, мы водрузили изваяние на стул, который поставили на стол, украшенный подснежниками и крокусами, собранными по моему указанию во время урока ботаники. Мы надели святому на голову корону из фантиков от шоколада, а потом неудержимо хихикающие Шарлотта и Эми принесли штукювину, которую соорудили из украденной глины для лепки, и поставили торчком перед статуей. Мы все вместе исполнили танец святого Валентина в дезабилье, по очереди поцеловали глиняный фетиш и поклялись посвятить себя служению любви. Затем мы сели вокруг статуи, чтобы прочитать, передавая друг другу свечку, написанные нами любовные стихи. Все признали мое стихотворение лучшим — впрочем, мои идеи всегда считают лучшими: празднование Дня святого Валентина тоже затеяла я.

Шарлотта рассказала, что, по словам сына садовника Габриэла О'Бирна, он вот уже больше недели пытается передать мне письмо, но не может. Интересно, промолвила она, что он имеет в виду? И кивнула на глиняную штуковину, которую сделала для святого Валентина.

Да уж, загадка: можно подумать, я не заметила, как этот Габриэл О'Бирн прекращает работу, снимает шапку и скалится всякий раз, стоит мне пройти мимо. Машет, улыбается и все такое прочее. Что ж, пусть она ему скажет, что не нужны мне никакие письма от Габриэла, сына садовника. Не нужны мне проявления его убогих, грязных чувств; я желаю и заслуживаю большего. Я заслуживаю принца фейри, могучего и волевого героя-воина, с волосами цвета воронова крыла и губами цвета крови.

***Личный дневник
Эдварда Гаррета Десмонда,
15 февраля 1913 года***

После трех недель слякоти, снега и грозовых туч прошлой ночью небо достаточно очистилось, чтобы я сумел впервые узреть недавно открытую комету Белла через крагдаррский восемнадцатидюймовый телескоп-рефлектор. Несмотря на все несомненные прелести и милости, графство Слайго не может похвалиться климатом, благоприятным для астрономии,— а именно чистым, как хрусталь, небом, которое так любили жрецы-звездочеты древней Месопотамии и благородной Греции. И с тех пор как в декабрьском выпуске «Ирландского астрономического бюллетеня» было опубликовано уведомление о появле-

нии этого объекта в интересующей нас части небосвода, я не переставал досадовать (дражайшая Кэролайн отметила бы, что я стал в связи с этим весьма невыносим) по поводу того, что лишь мне одному во всей стране — нет! черт возьми! — во всей Европе не суждено увидеть это явление. Так было до вчерашнего дня. Около четырех часов, когда я, как обычно, завершив послеобеденный чай в дурном настроении, расхаживал по рододендроновой аллее, оплакивая ирландскую нацию в целом и графство Слайго в частности, его ветра, погоду и климат, Господь смилостивился надо мной: ветер подул (капризно, как всегда в этой части земного шара), облака расступились, и над сельским пейзажем разлилось великолепное золотистое сияние поздней зимы! В течение получаса небо расчистилось и поглубело до самого горизонта, и, обрадованный этим зрелищем до глубины души, я сразу же вернулся в дом и сообщил миссис О'Кэролан, что буду ужинать в обсерватории. Прошло некоторое время, прежде чем я смог отыскать интересующий меня объект с помощью восемнадцатидюймового телескопа-рефлектора; комета, следуя по дуге, преодолела немалый путь с тех пор, как Хаббард Пирс Белл из Королевской обсерватории в Херстмонсе первым ее засек. И вот мне удалось поймать ее в перекрестье прицела, и я, несомненно, оказался единственным человеком в Ирландии, для которого это было в новинку.

В волнении от того, что мне наконец-то представилась возможность наблюдать комету Белла, я забыл, что ясное небо означает холодную ночь. Мороз пробирал до мозга костей. И вдруг! Почтеннейшая женщина! Достоянейшая из служанок! Миссис О'Кэролан принесла коврики, одеяла, согретые в кухонной плите кирпичи и, самое главное,

бутылку потина¹ — по ее словам, это был подарок от приходских вдов. Набравшись сил, я с энтузиазмом вернулся к работе.

Хвост еще не появился, комета Белла пока что находилась за пределами земной орбиты. Я записал ее положение, яркость, видимое и собственное движение в журнале наблюдений и сделал несколько набросков. Когда я вновь заглянул в окуляр телескопа, мне показалось, что яркость объекта изменилась, но я все списал на обман зрения из-за сложностей адаптации к крошечной черноте космоса. К тому моменту мороз свел на нет результаты стараний миссис О'Кэролан, и, заботясь о собственном здоровье, я решил сделать через телескоп серию снимков с длительной выдержкой, а затем удалиться в дом, к уютному очагу и супруге. Будучи, как полагается астроному, знаком с местным климатом, я понимал, что ясная, морозная погода продержится несколько дней.

Сегодня утром, проявляя пластинку, я заметил аномалию. Желая убедиться, что это не бракованная эмульсия (серия таких дефектов уже заставила меня расторгнуть соглашение с «Петтигрю и Рурком», поставщиками фотографических принадлежностей из Слайго, — ну что они за негодяи), я без проволочек изготовил полный набор снимков со всех пластинок. Терпение — краеугольный камень профессионализма; любитель, поторопившись, получил бы смазанные, бесполезные изображения. Я выждал необходимое время и, когда прозвенел маленький будильник, сразу же понял, что вижу не фотографи-

¹ *Потин* — ирландский самогон крепостью 40—90%, который до 1997 года производили только нелегальным, кустарным способом.

ческий изъян, а беспрецедентное и совершенно экстраординарное астрономическое явление.

Путь кометы Белла виднелся довольно отчетливо, он пересекал по дуге очертания знакомых созвездий. На этой дуге, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга, виднелись... за неимением лучшего термина назовем их сгустками света — это были точки настолько яркие, что фоточувствительный слой прожгло насквозь. «Сгустки» располагались примерно в двух дюймах друг от друга, по всей длине пути кометы. Пораженный своим открытием, я на целую минуту утратил способность мыслить здраво. Затем собрался и пришел к выводу, что комета Белла, должно быть, испускает периодические мощные вспышки света. По снимкам я вычислил этот период — двадцать восемь минут; каждая вспышка была чрезвычайно недолгой, зато по яркости небесная гостья становилась равнозначна крупной планете. Невероятно!

Я пролистал статью Хаббарда Пирса Белла, но не нашел в ней даже намек на хоть какие-то изменения яркости. Такое явление невозможно упустить из виду; единственный вероятный вывод состоял в том, что в тот период его и не было.

Восхитительная ирония судьбы! Я, последний астроном в Европе, наблюдающий комету Белла, обнаружил самую захватывающую ее тайну! Я поспешно написал сэру Гревиллу Адамсу в обсерваторию Дансинка письмо с заявлением об открытии; сегодня вечером, с Божьей помощью, снова буду наблюдать.

Я спрашиваю себя, насколько подобает профессионалу (и, что более важно, ученому мужу) испытывать восторг, предвкушая славу первооткрывателя крупного астроно-

мического феномена? (А вдруг ее переименуют в комету Десмонда? Двойное название вполне приемлемо, но только на крайний случай: комета Белла — Десмонда.) Ну вот, пожалуйста. Совершенно неуместное собственническое отношение к куску звездной материи! Поистине ужасно превратиться во взбалмошного школьника из-за хвастливых мечтаний о минуте славы в среде астрономов.

Перейдем к вещам более приземленным, отрезвляющим. Кэролайн в своем репертуаре: охладила мой восторг, выступив за завтраком с речью, полной неприятных подробностей относительно учебы Эмили. Надо признать, я не отрицаю, проблемы Эмили в Школе Креста и Страстей — важная тема, и меня как отца должна всерьез обеспокоить успеваемость дочери; действительно, вопрос имеет первостепенное значение, если допустить, что чадо намерено последовать за родителем по благородной научной стезе. Однако всему свое время и место! Настойчивое требование Кэролайн подробно обсудить эту тему с утра категорически испортило мое приподнятое настроение, и теперь я совершенно не в силах развить подобающее созерцателю небес спокойствие ума. Приоритеты! Мать и дочь — одна другой не лучше. Обе понятия не имеют, что в этой жизни по-настоящему важно.

Дневник Эмили, 6 марта 1913 года

Я снова слышала их прошлой ночью, точно слышала — Гончие Богов¹, они там, среди деревьев. Слышала,

¹ *Белые псы с красными ушами* — Гончие Аннуна (или Сво-ра Аннуна); элемент валлийского фольклора, связанный с миром мертвых.

как они лаяли, словно доисторические волки, учуявшие запах добычи. Слышала крики их хозяина-фейри. Его голос напоминал песню соловья, мелодичную и красивую. Леса Ратфарнхэма звенели от этих звуков. Я представила себе, как разбегаются куда глаза глядят лесные существа: «Расступитесь, расступитесь! Расступитесь пред Вечно Живущими, ибо грядет Дикая охота!» Но что можно преследовать там, в залитом дождем лесу? Что за запах почуяли псы, раз он вынудил их так лаять? Конечно, даже речи нет о чем-то презренном вроде обыкновенной лисы или барсука, которых О'Бирн может иной раз пристрелить, когда они совершают набеги на школьные курятники; нет, ничего столь банального. Возможно, благородный олень. Такая добыча достойна Всадников-сидов. Может, из стада лорда Пальмерстона, или... а такое возможно?.. волшебный олень из легенды, из предания — тот самый, которого каждую ночь преследует Дикая охота и убивает, чтобы вместе с утренним солнцем он снова воскрес? Или наиболее романтический вариант: один из их соплеменников, да, охота на двуногую дичь, на воина-фейри, быстрого и смелого, со смехом и без усталости скользящего меж деревьев Ратфарнхэма, героя, для которого псы и копейщики, следующие по пятам, — всего лишь забава. Шарлотта с соседней кровати спросила, почему я глубокой ночью таращусь в окно — дескать, разве я не знаю, что будут неприятности, если сестра Тереза меня застучает? И вообще, спросила она, что я вижу в кромешной тьме?

— Вижу, как Вечно Живущие Охотники преследуют в ночном лесу золоторого оленя, послав за ним красноухих псов. Слушай! Ты слышишь, как они лают во мраке?

А как звенят серебряные колокольчики на сбруе лошадей?

Шарлотта вылезла из-под одеяла, перебралась на мою кровать и присела рядом. Мы вместе выглянули через зарешеченное окно и прислушались изо всех сил. Мне чудился лай собак, очень далеко, словно Ночная охота прошла мимо и продолжила путь. Я спросила Шарлотту, слышит ли она хоть что-то.

— Кажется, да,— ответила она.— Да, вроде бы я тоже слышала.

12 марта 1913 года

Королевское Ирландское астрономическое общество
Обсерватория Дансинка
графство Дублин

Дорогой доктор Десмонд,

пишу вам несколько строк в знак восхищения и признания заслуг (и, не скрою, зависти) в связи с открытием цикличности кометы Белла. В кои-то веки элегический климат вашего несчастного графства сослужил вам добрую службу: пока вы томились под покровом кельтского тумана, всеобщий интерес к комете угас и ваш телескоп действительно оказался единственным в Соединенном Королевстве, направленным на небесную странницу в тот самый момент, когда она начала проявлять свою уникальность. Какой-то юнец из жалкого маленького университета в Германии попытался опровергнуть ваше открытие; по правде говоря, подозреваю, что это чистей-

шая зависть. Гунны пойдут на все, чтобы превзойти величие британской короны. Итак, это ваша заслуга, без всяких споров или сомнений, и в результате телескопы, которые отвернулись от кометы Белла в сторону новых небесных пастбищ, с удивительной поспешностью возвращаются к ней. Увы, ваше имя не будет объединено с именем первооткрывателя, но слава, я думаю, окажется не менее прочной, ведь вы обнаружили беспрецедентное астрономическое явление. Мигающая комета! Весьма примечательно!

Я сверил ваши расчеты вращения, углового момента, скорости и цикличности с моими собственными наблюдениями (простите мою самонадеянность в этом вопросе) и обнаружил, что полученные нами числа совпадают с высокой степенью точности. Однако я затрудняюсь сформулировать какую-либо теорию, которая могла бы объяснить цикличность в двадцать восемь минут в сочетании с периодом максимальной светимости всего в две целые и три восьмые секунды. В нашей упорядоченной вселенной все происходит согласно регламенту и расписанию, как на Великой южной железной дороге, и столь парадоксальное поведение небесного тела оскорбляет нас, джентльменов астрономии, до глубины души. Любая гипотеза, которую вы могли бы выдвинуть в целях объяснения феномена, удостоилась бы всеобщего внимания — если наступит момент, когда пожелаете таковую обнародовать, лекционный зал Общества в вашем распоряжении. А пока что еще раз поздравляю с успехом и призываю продолжить изыскания.

Искренне ваш,
сэр Гревилл Адамс